

Е. И. Жарков

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН:

«Я ГОЛОС ВНУТРЕННИХ КЛЮЧЕЙ...»

Сегодня Макс читает. Будет скучно —
Не каждый день к стихам наклонен ум.
В десятый раз уж внемлешь равнодушно.
Как пострадал пресвитер Аввакум.

Сергей Шервинский

Дружеская инвектива молодого поэта и переводчика С. В. Шервинского, неоднократно начиная с 1920-х гг. бывавшего гостем дома Максимилиана Волошина в Коктебеле, блестяще отобразила отношения многих гостей киммерийского мудреца к его поздним стихам. Но можно ли равно отнести ее и к манере чтения Волошина, какова была эта манера и какие метаморфозы претерпела на протяжении трех десятилетий нахождения поэта «на Парнасе Серебряного века»? На эти и другие вопросы ответы могут дать сохранившиеся фонозаписи чтения Волошиным своих стихов, отклики современников в письмах, впоследствии и в мемуарах, а также фотографические и художественные портреты, запечатлевшие образ автора-декламатора.

В настоящее время известны только четыре стихотворения М. А. Волошина, специально прочитанные им 20 апреля 1924 г. в Ленинграде и записанные на фонограф Сергеем Бернштейном. Среди них «Пламенный истлел закат», «Dmetrius Imperator», а также весьма показательные «**Неопалимая купина**» и «**На дне преисподней**» (памяти А. Блока и Н. Гумилева). Четвертое из этих стихотворений вошло в авторский сборник «Стихи о терроре», изданный в Берлине в 1923 г. (запрещен к ввозу в СССР). В советской России они, по большей части, ходили в списках. Можно предположить, что именно эти стихи были выбраны самим автором, т. к. он неоднократно читал их публично в период Гражданской войны и в начале 1920-х гг. Существуют косвенные свидетельства того, что в 1928 г. Волошин был запечатлен на киноплёнке, которая до сих пор не обнаружена. В данном случае, вероятно, речь не идет о чтении стихов и даже о звуке в целом.

Попытаемся разобраться, каково было отношение поэта к звучащему слову, тем более что с детства Волошин страстно любил театр. Незадолго до смерти он

вспоминал о своем первом публичном выступлении на ученическом вечере в Первой московской гимназии в 1893 г., накануне переезда в Крым: «Я читал тогда пушкинское “Клеветникам России”. Мне очень нравился ораторский склад всего стихотворения, а кроме того, я слышал, как его читал один из московских товарищей по I гимназии, Закалинский, читавший очень хорошо и серьезно занимавшийся декламацией» [Волошин. СС. Т. 7. Кн. 2: 364]. И хотя впоследствии в Москве было еще несколько публичных гимназических чтений и выступлений в кругу друзей, по-настоящему интерес к художественному слову утвердился в будущем поэте с началом учебы в Феодосийской гимназии.

С новыми крымскими товарищами Волошин мечтал о кружке, в котором можно было бы устраивать свои чтения. Речь пока шла о произведениях классической и современной русской поэзии (но не о собственных стихах), и именно на них Макс оттачивает мастерство. А. К. Толстой, А. Н. Майков, С. Г. Фруг и другие популярные в то время поэты были объектом внимания Волошиначтеца. А местами декламации снова становятся гимназия, вилла художника И. К. Айвазовского, имевшая большой зал со сценой, а также гостиные феодосийских интеллектуалов. От этого времени сохранился целый ряд отзывов. Итак, самое сильное впечатление на провинциальную публику произвела декламация стихотворения С. Фруга «Дочь Иефая». В письме к матери Волошин заметил, что во время чтения «некоторые чуть не заплакали, а Айвазовский, когда дошло до самого трагического места, закрыл лицо руками». Такая, казалось бы, субъективная оценка собственных успехов подтверждается и отзывом гимназического друга Волошина А. М. Пешковского (впоследствии известного лингвиста), который обратил внимание в чтениях Макса на «громовой голос», заглушавший игру самого Пешковского на рояле. Не об опытах ли мелодекламации идет здесь речь? В данном случае едва ли можно переоценивать степень заинтересованности аудитории, учитывая, что стихи и музыка были скорее антуражем для карточной игры.

Постепенно публика узнает, что и сам Макс пишет стихотворения, и на гимназическом вечере 5 декабря 1893 г., после чтения баллады А. К. Толстого «Чужое горе», из зала раздаются крики, чтобы поэт читал уже свои произведения. Волошин запомнил это событие как настоящий триумф: «Аплодировали мне чрезвычайно. Вызывали меня четыре раза» [Там же: 95]. 18 сентября 1894 г. умер директор Феодосийской мужской гимназии историк Василий Виноградов. Отзываясь на это событие, Волошин написал стихотворение «Над могилой В. К. Виноградова», которое и прочел на похоронах. В следующем году оно вошло в книгу «Памяти В. К. Виноградова» (Феодосия, 1895), это и стало первым поэтическим выступлением М. А. Волошина в печати.

Чтобы подвести итог годам гимназической жизни Волошина к Крыму, необходимо вспомнить еще одну его собственную мемуарную оценку: «...будучи в

Феодосии очень одинок, я приобрел привычку читать про себя стихи, которые я знал наизусть в громадном количестве. Это мне заменяло книгу, и я, проходя по улице, беспрестанно бормотал что-то про себя и часто подчеркивал ритм и интонацию незаметными и плавными движениями руки. <...> Мой “белый колпак”, изобретенный мамой, и мое чтение стихов про себя сразу дали общий тон отношению ко мне феодосийцев. Это выделяло меня в глазах провинциальной публики, в то же время вызывало осуждение: “Оригинальничанье”...» [Там же: 364].

Непродолжительное время обучения на юридическом факультете Императорского Московского университета, который Волошин так и не смог окончить из-за участия в студенческих протестах, не ознаменовалось для поэта крупными литературными выступлениями. И хотя первые «взрослые» стихи датированы 1899 г., он символично отсчитывал начало литературной деятельности от года 1900-го. Это зафиксировано и в позднем стихотворении «Четверть века»: «Каждый рождается дважды. Не я ли / В духе родился на стыке веков? / В год изначальный двадцатого века / Начал головокружительный бег» [Там же. Т. 2: 83].

Итак, становится очевидным, что рассмотрение художественного чтения Волошина целесообразно проводить в рамках трех периодов: 1) 1900–1917; 2) 1918–1922; 3) 1923–1932. Такая хронология связана не только с биографическими вехами личности или глобальными изменениями в стране, но прежде всего с интенсивностью публичных поэтических выступлений и изменениями манеры чтения. Период до 1917 г. (который мы рассмотрим в двух географических аспектах, европейском и российском) характеризуется нечастыми поэтическими выступлениями. К тому же в большинстве случаев это декламация для ограниченного круга любителей литературы. Для контраста нужно упомянуть, что в это время параллельно проходят многочисленные и многолюдные лекции Волошина, посвященные вопросам художественной и литературной жизни России и Франции, в рамках которых Волошин порой читал свои переводы французских поэтов. Второй период, фактически апофеоз Волошина как поэта и чтеца своих произведений (прежде всего в Крыму и Одессе), был связан с тематическим переломом в его творчестве, обращением к остросоциальным темам русского прошлого и настоящего. В это время не только сам поэт, но и многочисленные артисты, а также пропагандисты массово читали его стихотворения в самых неожиданных аудиториях. Наконец, третий период пришелся на время, когда большая часть поэтического наследия Волошина периода Гражданской войны и последующих лет попала под запрет в советской России. В условиях невозможности издать любые стихи на Родине частные чтения в своем доме в Коктебеле, а также в Москве и Ленинграде (во время двух поездок — в 1924 и 1927 гг.) становятся для Волошина единственным способом коммуникации с читателем.

1900–1917 годы

В Европе

Путешествия по Европе, которые были избраны как лучший способ самообразования, призванного заменить университетские штудии, давали возможности не только для написания, но и для чтения стихов. Один из спутников Волошина по такому гранд-туру, Л. Кандауров в письме в Россию зафиксировал свои впечатления от посещения миланского общественного сада летом 1900 г.: «Мимозы спали, магнолии пахли лимонами. Макс сел под деревья и начал читать стихи» [цит. по: *Купченко* 2002: 76]. И снова в Италии, но уже в Субиако, через два года Волошин познакомился с семинаристом украинцем Петром Карманьским, которому тоже читал свои стихи, но уже во время осмотра катакомб местного монастыря.

Еще весной 1901 г. Волошин уехал в Европу, где поселился во французской столице и на полтора десятилетия связал с ней свою судьбу. О частных и публичных литературных выступлениях в парижской мастерской Волошина на бульваре Эдгара Кине и на других дружественных площадках сохранились многочисленные свидетельства. Художник Борис Матвеев сообщал сестре об одном из поэтических вечеров у Волошина, где стихи «читали едва слышно, монотонно, по-современному»; он обратил внимание на то влияние, которое поэт К. Д. Бальмонт оказывает на Максимилиана: «Бальмонт прочел иступленным голосом гимн к луне. Сравнивали звуки городов, Парижа, Лондона. Все это идет к Бальмонту, но Волошину это безумствование очень не к лицу. Он толстый, красный, курчавый детина. Было смешно» [цит. по: Там же: 102]. Со временем мастерская Волошина в Париже стала постоянным местом открытых журфиксов по четвергам, где поэт показывал свои рисунки, живописные работы и нередко читал стихи, как правило не только свои. В числе слушателей, количество которых едва ли доходило до двух десятков, — художники Александр Бенуа, Дмитрий Митрохин, Анна Голубкина, Александр Шевченко и др. Существовало мнение, что многие из присутствовавших даже не знали друг друга. Скромности антуража мастерской соответствовал и внешний вид ее хозяина: по одному из свидетельств участников чтения, Волошин «носил французские светлые брюки неразрезного бархата, какой-нибудь черный пиджак, воротничок с простеньким галстуком, простые ботинки...» [*Шевченко* 1980: 120]. Впрочем, известны случаи, когда количество заинтересованных сильно снижалось, и тут показательна негативная дневниковая ремарка от 19 сентября (2 октября) 1904 г. о журналисте Соломоне Полякове-Литовцеве, к которой Волошин добавляет: «И я все-таки читаю стихи, и мне приятно иметь слушателя» [*Волошин*. СС. Т. 7. Кн. 1: 176]. О важности для Максимилиана декламации своих стихов, о постоянном поиске подходящего случая писал и польский драматург Вацлав Рогович: «...а тем временем с горячим нетерпением ждал, чтобы кто-нибудь попросил его прочесть “последние” стихи.

Зная эту невинную слабость поэта, мы делали ему такое предложение. Читал он красиво, часто порывисто, особенно если присутствовали Бальмонт, Брюсов или иностранные поэты, знающие русский язык. За “последним” стихотворением следовало “предпоследнее” и так далее...» [цит. по: *Купченко* 2002: 212].

Камерные чтения, как правило, устраивались для собратьев по поэтическому цеху: среди слушателей Волошина прежде всего Константин Бальмонт, а также Вячеслав Иванов, Александр Амфитеатов, Мария Шкапская, Илья Эренбург и др. Именно с Эренбургом зимой 1915 г., когда поэт застрял в Париже и не мог вернуться в Россию из-за закрытых границ, возникли достаточно доверительные отношения. За несколько месяцев до смерти Волошин вспомнил: «По вечерам мы всегда встречались с Эренбургом и иногда просиживали в маленьком кафе у Gare Montparnasse до рассвета, читая стихи. И я возвращался в Пасси пешком вдоль линии Метро» [*Волошин*. СС. Т. 7. Кн. 2: 442]. А наиболее ярким примером женской благосклонности к декламации Волошина можно считать отзыв М. Шкапской: после чтения друг другу своих стихов 5 (18) декабря 1915 г. она благодарила в письме: «Вы такой большой и уверенный в своей комнате — не жрец Неведомого, но крепкого и верного Бога» [цит. по: *Купченко* 2002: 385]. К таким же частным чтениям можно, наверное, отнести и встречи в доме русского дипломата и историка искусства Владимира Аргутинского-Долгорукова.

По-настоящему публичными выступления Волошина в Париже стали в конце 1915 г. В то время кружки Монпарнаса превратились в место встреч и общения не только русских, но и французских литераторов и художников, еще больше сблизившихся в дни европейской войны. 20 ноября (3 декабря) 1915 г. Волошин читал там на Вечере поэтов не только свои произведения, но также стихи К. Бальмонта и В. Брюсова. Хотя особо была отмечена современниками встреча на квартире М. Шкапской в рамках кружка «Русская академия на Монпарнасе» 29 ноября (12 декабря). Среди слушателей стихов Волошина — Н. Альтман, Н. Ангарский, А. Архипенко, М. Герасимов, В. Инбер, О. Лещинский, А. Луначарский, Е. Полонская, М. Талов, Д. Штеренберг, И. Эренбург, С. Эрьзя и др.

И все же, наверное, самым удивительным и эстетически совершенным по части художественной декламации для Волошина в Париже было его «выступление» на венчании поэтессы Аделаиды Герцык, где он исполнял обязанности шафера. В одном из писем Аделаида Казимировна сообщала: «... ехали в церковь вчетвером, и всю дорогу Макс читал нам свои последние парижские сонеты» [*Герцык* 1973: 87]. Для полноты визуальной картины нужно добавить, что в руках у невесты была ветка вишневого цвета, подаренная Волошиным.

Информация о том, что именно Максимилиан избирал для чтения русским парижанам, чрезвычайно ограничена: можно предположить, что это прежде всего «пейзажные» стихотворения, посвященные столице Франции, или событиям

французской истории, как, например, стихотворение «Голова Madame de Lamballe» (1906), которое сразу же после написания Волошин читал К. Д. Бальмонту и переводчице М. Гринвальд, чуть позже Александру Амфитеатрову. К сожалению, нет свидетельств о том, практиковал ли Волошин мелодекламацию. Хотя именно такую интерпретацию возможно дать картине-воспоминанию Марии Воробьевой-Стебельской «Слава друзьям Монпарнаса», написанной в 1962 г., но отсылающей зрителей к году 1915-му. На ней сама художница, а также обнимающий ее Максим Горький, художник Хаим Сутин и поэт Илья Эренбург изображены с бокалами красного вина в руках. В то время как в руках у Волошина книга, а у скульптора Осипа Цадкина гармошка. Впрочем, независимо от вероятности такого допущения, музыкальность стихотворения «Голова Madame de Lamballe» впоследствии оценил Александр Вертинский и исполнял его как мелодекламацию. К тому же русский композитор Владимир Сенилов написал музыку для мелодекламации стихотворения Волошина «Вейте вайи». Однако партитура сохранилась только в рукописи, а факты ее публичного исполнения нам неизвестны [Сенилов 1910: 2].

Доподлинно известно о нескольких чтениях стихотворения-пророчества «Ангел мщенья», написанного в Париже в 1906 г. как отзыв на поездку в Россию и события восстания 1905 г. В последний же свой приезд в Париж в дни Первой мировой войны Волошин выступил в салоне Цетлиных с чтением одного из своих венков сонетов. Можно предположить, что именно это чтение наиболее впечатлило хозяина дома Михаила Цетлина, решившего вскоре создать издательство «Зёрна», где одной из первых вышла вторая книга Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (Москва, 1916). Нужно признать, что атмосфера салона Цетлиных была близка далеко не всем, и тот же Илья Эренбург, которого там активно привечали, в частных письмах декларировал свое неприятие (более всего его смущали «щипчики для сахара, грудастые бабы над роялем, Гоген и пр.»).

В России

Несмотря на то что в 1900-е гг. Волошин бывал в России лишь наездами, главные ценители и слушатели его стихотворений были именно здесь. Это косвенно подтверждается еще и тем количеством отзывов и оценок, которые сохранились. Каким же запомнил-ся Волошин-чтец в предреволюционной России и почему в своей юмористической поэме «Крымский демон» Яков Соснов (Соскин) дает нам такой нелепый образ поэта: «Он на козе верхом сидел, / Был вдохновенен и взъерошен, / И тихо пел, и тихо пел... / То был, читатель, Макс Волошин!» [Соскин 1909: 18]?

27 февраля 1910 г. стало значительной датой в жизни поэта. В этот день в Москве, в издательстве «Гриф», вышел в свет его первый поэтический сборник «Стихотворения 1900–1910». Он стал результатом более чем десятилетней работы над словом. По мнению Александра Бенуа, «по выступлениям красивых и звучных слов

он взбирался на самые вершины человеческой мысли, откуда только и можно “беседовать с Богом” и где поэзия переходит в прорицания и в вещания» [Воспоминания 1990: 333]. Характер текстов обуславливал и манеру чтения — менторскую и патетическую, когда каждое слово четко произносится, для усиления эффекта используются перепады громкости.

Попробуем дать короткий обзор наиболее ярких оценок поэтических выступлений Волошина этого периода. И. Бунин: «Стихи свои он читал всегда с величайшей охотой, всюду где угодно и в любом количестве» [Там же: 366]; А. Рылов: «Волошин, поклонник Эллады, читал свои красивые стихи вдохновенно, как древний грек» [Рылов 1977: 147]; Р. Гольдовская: «Читал и Макс — как всегда хорошо и как всегда аффектированно, он отчеканивал каждое слово. Милый, добрый, ласковый, всезнающий, всех любящий — и ко всем равнодушный Макс!.. Ученый эклектик, перипатетик, поэт, художник, философ, хиромант и Божий человек, юродивый “без руля и без ветрил” — русский “обормот” с головой Зевса и животом Фальстафа...» [Хин-Гольдовская 1997: 527]; В. Одинокий: «Когда он читает стихи, голос его преобразуется: он крепнет, становится резким, внушающим... Исчезает наружная маска спокойствия и безмятежной ласковости. И встает тень творца “Киммерийских сумерек” и “Руанского собора”. Резко отчеканивает он каждое слово, читая “Портрет Бальмонта”. Страшно, пророчески звучали верхарновские гимны-проклятия городу в маленькой комнате...» [Купченко 2002: 415].

Для сравнения может быть интересен и отзыв К. Паустовского о лекции Волошина «Судьба Верхарна», которая была прочитана 1 февраля 1917 г. в Москве: «Собралось человек сто. Зал был почти пустой. Был неизменный Вячеслав Иванов. <...> Волошин — маленький, толстенький, с рыжей шевелюрой, в пенсне и глухом шелковом жилете. В фойе он суетливый, на сцене неподвижный, с глухим голосом и скупыми жестами. Читал он хорошо» [Паустовский 1976: 408]. Нет сомнения, что в рамках выступления также декламировались многочисленные поэтические переводы из Верхарна, сделанные Волошиным.

Среди круга чтений в залах и гостиных друзей этого периода лидируют стихотворения «В вагоне» (которое, к слову, попало в большинство изданий «Чтеца-декламатора»), «Осень» и «Кастаньеты». Немного реже для публичных выступлений Волошин выбирал «Полынь», «Делос», «Весну» и другие стихотворения из цикла «Киммерийские сумерки», венки сонетов «Lunatia» и «Sogona astralis», также «В эти дни», «Реймская Богоматерь», «Я ждал страданья столько лет...» и др.

В отличие от прозы, стихи поэт читал более эмоционально, порой на грани аффекта, читал много и охотно. Выступления могли происходить в редакциях (к примеру, журнала «Новый путь» в момент знакомства с В. Брюсовым или на вечере в издательстве «Шиповник»), университетских залах (в частности, в

Юрьеве), в Охотничьем клубе и других самых разнообразных концертных залах. В более интимной атмосфере — дома у Ф. Сологуба и С. Маковского, на «Башне» Вячеслава Иванова, у Т. Щепкиной-Куперник и М. Цветаевой, многократно у В. Брюсова и на других квартирах литераторов.

Можно предположить, что и публичные, и частные чтения были одинаково интересны для Волошина, и по типологии Сергея Бернштейна его можно отнести к декламативному типу поэтов. Для него было важно ощущать звучание стиха не только в момент сочинения, но и впоследствии донести собственные звуковые интонации до слушателя, установить с ним максимально близкий контакт.

Отдельно нужно отметить многочисленные чтения в Крыму, где в 1903 г. Волошин стал обладателем двухэтажного дома у моря на берегу Коктебельского залива. Выступал также поэт в усадьбе биолога Т. Вяземского в соседних Отузах, в мастерской своего друга художника К. Богаевского, на многочисленных концертах в Феодосии. А в какой-то момент в волошинском доме в Коктебеле было задумано целое турне литераторов, музыкантов и артистов по городам Крыма с вечерами «гармонии, слова и жеста», которые имели огромный успех. Помимо декламирующего Волошина, свои сказки читал Алексей Толстой, Инна Быстренина танцевала, пианистка Вера Попова музицировала. Наиболее парадоксальный успех имело выступление в Севастополе, что впоследствии было даже отражено в рассказе М. Зощенко «Случай в провинции». Один из участников представления, Лев Никулин вспоминал те события в интерпретации А. Толстого: «...публика пришла в театр на представление трансформатора Франкарди и будто его, Толстого, Макса Волошина и танцовщицу приняли за этого трансформатора, перевоплощающегося то в толстого бородача, то в плясунью» [Никулин 1966: 260–261]. Афишки о выступлении трансформатора Франкарди в том же театре были расклеены по городу и ввели зрителей в заблуждение. Публика благоволила к этим концертам Волошина и компании, и в той же Феодосии вечера затягивались и до часу, и до половины второго ночи... То есть после чтения одного-двух стихотворений слушатели и дальше «вызывали» поэта. Такие же смешанные выступления с участием Волошина все чаще стали проходить на разных дачах в Коктебеле, а также в местном кафе «Бубны», задуманном как пародия на петербургскую «Вену». Как правило, стихотворные чтения предваряли номера музыкальные. О «сольных» поэтических вечерах Волошина до Октябрьского переворота 1917 г. ничего не известно. И в Крыму, и в Москве это были, как правило, коллективные публичные выступления, где помимо поэзии находилось место и пению, драматическим сценкам, музыке. Совершенно очевидно, что интенсивность публичных чтений в России была во много раз больше, чем в периоды жизни в Париже или частых турне по Европе.

В завершение нужно сказать, в чем, по мнению современников, выразилось влияние Константина Бальмонта на манеру чтения Волошина. Об этом шла речь в

письмах художника Бориса Матвеева, и то же подтверждается дневниковой записью Р. Гольдовской от 25 октября 1906 г.: «Бальмонт сделал из него раба всей декадентской компании... Грустно смотреть <...> как толстый, курчавый и бородатый Макс... заунывным аффектированным голосом тянет из себя перлы декадентской поэзии... или шепчет в экстазе, что у гениального поэта Ремизова... жена — колдунья... “и ее зовут Довгелло!!”» [Купченко 2002: 165–166].

1918–1922 годы

Перелом, произошедший в поэзии Волошина в революционные дни, когда на первый план он вывел судьбы России и через тяготы Гражданской войны пытался разглядеть наиболее масштабные драмы ее тысячелетнего бытия, невольно оказал влияние и на манеру чтения. Французский шарм и легкость, страсть к парадоксам уступают место вдумчивому осмыслению прошлого и настоящего России. Мысль о том, что содержательные изменения в стихах Волошина привели в этот период и к изменению манеры чтения, наиболее четко выразил в своих воспоминаниях Иван Бунин: «Я даже дивился на него: так далеко шагнул он вперед и в писании стихов, и в чтении их, так силен и ловок стал и в том и в другом <...>. Вид как будто грозный, пенсне строго блестит, в теле всё как-то поднято, надуту, концы густых волос, разделенных на прямой пробор, завиваются кольцами, борода чудесно круглится, маленький ротик открывается в ней так изысканно, а гремит и завывает так гулко и мощно» [Воспоминания 1990: 368].

В это время, в начале 1918 г., в Москве, в издательстве «Творчество» Соломона Абрамова, выходит третья поэтическая книга Волошина «Иверни», вобравшая в себя избранные стихотворения. Слово «иверни» имело древнерусские корни и трактовалось лингвистами как «осколки, черепки». Сам же Волошин наделял его значением «обломки драгоценных камней». В книге восемь разделов: «Странствия», «Париж», «Киммерия», «Любовь», «Облики», «Блуждания», «Армагеддон» и «Двойной венок». Всего 73 стихотворения из первых двух книг, 37 из различных сборников и повременных изданий и 9 публиковавшихся впервые.

Выделение пятилетнего периода с 1918 по 1922 г. в жизни поэта принципиально важно. Это время, когда его стихи и их чтение (как автором, так и артистами) не только вдохновляли интеллектуалов, но и порой влияли на происходящее в стране. Как на публичных вечерах, так и в камерных условиях в Коктебеле, Феодосии, Симферополе, Одессе, Ростове-на-Дону и других южнорусских городах чаще всего Волошин читал стихотворения и поэмы на исторические темы, в которых всё сильнее слышатся отзвуки наступившего революционного времени. Наиболее часто декламировались такие произведения, как «Святая Русь», «Дмитрий-император», позже — поэмы «Протопоп Аввакум» и «Путями Каина». Стихотворения на библейские и историко-церковные темы приходится читать на квартирах, в частности речь идет о «Хвале Богоматери»,

«Видении Иезекииля» и поэме «Святой Серафим». Несколько реже в этот период из уст автора звучат пейзажные «киммерийские» стихи. Также есть упоминания о публичных чтениях стихотворений «Дикое Поле», «Стенькин суд», «Китеж», «Замятие о русской земле» и др.

Продолжается традиция декламации Волошиным стихотворений в рамках общекультурных вечеров. Так, в Татьянин день 1919 г. он выступает в Одессе в Клубе увечных воинов, где помимо литературной части была также вокальная и хореографическая (а среди других чтецов — И. Бунин, Н. Крандиевская, А. Толстой и др.). В раннесоветские годы Волошин нередко выступал с поэтическими чтениями перед спектаклями (прежде всего в Симферополе). Но порой устраивались и «сольные» вечера, которые включали чтение стихов в первом отделении, а во втором — ответы на многочисленные вопросы слушателей. В рамках диалога могли подниматься темы культурной жизни Петрограда и Москвы, революции и интеллигенции и др. К примеру, 31 июля 1922 г. в симферопольском Клубе печатников поэт читает стихи о революции, а также фрагменты из поэмы «Путями Каина». Постепенно выступления Волошина со стихами о русской революции пресекаются цензурой, и к 1923 г. единственным местом, где это «дозволено», остается дом самого поэта в Коктебеле, на который во время Гражданской войны было выдано несколько охранных грамот, в том числе от советского наркома просвещения А. В. Луначарского. Нередко доходило до курьезов: отдыхающие в Коктебеле курортники умудрялись под окнами волошинского дома слушать новые стихи, ну а для гостей поэта такие литературные «угощения» были вполне регулярными.

В этот период среди слушателей Волошина в домашней атмосфере были поэты Георгий Шенгели и Илья Эренбург, литературовед Василий Комарович, лингвист Сергей Карцевский и др. Последний очень емко зафиксировал сопутствующую обстановку и облик поэта: «Вечером мы сидели вдвоем на балкончике в ателье Волошина. <...> В соседней комнате стены сплошь заставлены французскими книгами; на самом Волошине греческая туника, сандалии и ремешком повязаны волосы» [цит. по: *Купченко* 2007: 87]. Подчас чтения носили вполне театрализованный характер: например, ко дню рождения Макса в мае 1918 г. Николаем Евреиновым был поставлен целый спектакль. Духи моря и гор подносили Волошину свои дары, с особым приветствием выступил сам Нептун: «Кушай, кушай наши сливы, / Киммерии мощный столп» [Воспоминания 1990: 354]. Поэт, сидевший в пурпурной тоге на балконе, на импровизированном троне, также отвечал стихами.

В Ялте осенью 1918 г. Волошин читал на заседании Чеховского общества в женской гимназии, а 19-летнему Владимиру Набокову — прямо в одной из местных татарских кофеен. И если о впечатлениях Набокова можно только догадываться, одна из слушательниц, побывавшая на заседании Чеховского

общества, оставила содержательный, но, увы, анонимный отзыв: «М. Волошин прибыл с нерусской аккуратностью и, легко неся полное подвижное тело, быстро пробежал сквозь толпу к эстраде. При первом взгляде на него мы почувствовали разочарование: сильная полнота и окладистая борода делали его похожим на купца. Но как только раздался его голос, певучий и мягкий, как только полились его стихи, пылающие и властные, — так сердца юных слушателей были покорены». Далее автор отмечает искреннюю нежность и тоску в голосе Волошина и манере чтения: эмоциональное воздействие на публику было таким сильным, что многие в зале плакали. Но вот «революционные» стихи производили ошеломительный эффект. После их чтения «хлопали, кричали, стучали ногами, бросались к поэту на эстраду, качали его, забрасывали цветами...» [Там же: 362–363].

Осенью 1918 г. Волошин прямо резюмировал в письме художнице Юлии Оболенской: «Мое лето прошло очень суматошно: я выступал в ряде концертов, ездил с чтениями. Зимой тоже думаю поехать на заработки по южным городам» [Волошин. СС. Т. 12: 181]. Здесь явный намек на то, что в это время пресекался доход от журналистской деятельности, который во многом обеспечивал поэта в предреволюционные годы, и появилась необходимость в заработке, в том числе за счет чтения лекций (что также широко практиковалось в прежние годы) и стихов.

Но особой интенсивностью в это время отличаются поэтические встречи в Одессе, куда поэт прибыл морем из Севастополя. Он жил и работал там с конца января до начала мая 1919 г. Максимилиан Александрович не без гордости говорил, что в 1919 г. белые и красные, бравшие по очереди Одессу, свои прокламации к населению начинали одними и теми же словами из его стихотворения «Брестский мир». Современников шокировали первые слова с многоточием: «С Россией кончено...». Волошин, предвещая все зверства и невежество, которые теперь предстояло пережить некогда могущественной империи, обращался к Богу: «О, Господи, разверзни, расточи, / Пошли на нас огонь, язвы и бичи, / Германцев с запада, монгол с востока, / Отдай нас в рабство вновь и навсегда, / Чтоб искупить смиренно и глубоко / Иудин грех до Страшного Суда!» [Там же. Т. 1: 259].

Интересно общение поэта с Иваном Буниным, который ценил глубокую оригинальность Волошина и самобытность его судьбы. В разное время Бунин узнавал о Волошине часто лишь по слухам. Близко литераторы познакомились в Одессе во время Гражданской войны, когда все вихри тревожного времени проходили над их головами. Бунину запомнились слова Волошина, которыми завершались длительные споры о ситуации в стране: «Бог с ней, с политикой, давайте читать друг другу стихи!» [Воспоминания 1990: 369]. И читали! Жена писателя Вера Бунина обратила внимание на декламацию Волошиным своих крымских стихотворений, отмечая, что «он знает, чувствует тонко, любит свой

край и все это передается слушателю» [Устами Буниных. Т. 1: 232]. В доме Буниных Волошин неоднократно читал не только свои стихи, но и переводы из Эмиля Верхарна. Из мемуаров Веры Буниной: «Читал нам свои стихи, которые нам понравились. Он производит очень приятное впечатление, хотя отношение к жизни у него не живое. <...> Он читает хорошо. Читает долго и много. Этот жанр ему удается. <...> Мне понравились портреты писательницы Хин и Савинкова» [Там же: 225, 228]. После одного из поэтических выступлений в Одессе о Волошине высказались Алексей Толстой и Леонид Гроссман. Последнему принадлежит мысль о том, что волошинская поэзия «из индивидуальной превратилась во всероссийскую» [цит. по: *Купченко 2007: 64*].

В революционные дни в Одессе возродился литературный кружок «Зеленая лампа», существовавший там прежде в Пушкинскую эпоху. 28 марта 1919 г. Волошин читал там свои стихи. Среди прочих участников — В. Катаев, Н. Крандиевская, Ю. Олеша, А. Толстой, М. Цетлин, З. Шишова и др. Можно предположить, что именно к этому вечеру относится реплика молодого Юрия Олеша: «Волошин был упитанного сложения, с большой рыжеволосой головой <...>. Однако он был в пенсне. Читал он стихи превосходно, это была столичная штучка <...>. Он отнесся к нам, молодым поэтам, снисходительно. (Некоторые из нас стоили признания мастера)» [Олеша 1974: 424].

В качестве курьеза можно отметить, что в это непростое время Волошину дважды приходилось выступать со стихами на кораблях для военных моряков: в июне 1919 г. — сначала на крейсере «Кагул», тем самым предотвратив масштабную бомбардировку Коктебеля, а позже на морском транспорте «Мечта» при переходе из Керчи в Новороссийск.

В родной для поэта Феодосии в это время продолжают поэтические чтения как в гостиных друзей, так и в городских залах. Особо популярными становятся визиты Волошина в Феодосийский литературно-художественный кружок, завсегдатаями которого в то время были также Осип Мандельштам, Илья Эренбург, Софья Парнок и Аделаида Герцык. Особым трагизмом отмечен ноябрь 1920 г.: в середине месяца город был окончательно захвачен большевиками. Личную драму Волошина можно объемно представить, если знать, что в первых числах месяца он дважды тайно читал на частных квартирах свои религиозные стихотворения («Святой Серафим», «Хвала Богородице» и др.), вызывавшие слезы у слушателей, а 28 ноября ему уже пришлось выступить на митинге-концерте в честь столетия со дня рождения Фридриха Энгельса. И хотя вряд ли можно доверять одной из крымских газет, извещавшей, что Волошин читал «стихи, посвященные Энгельсу», это выступление было явно «обменяно» на охранительное свидетельство, выданное поэту на его дом и библиотеку в Коктебеле.

В конце января 1921 г. Волошин уезжает в Симферополь, где остается до конца мая. Формально он получает от большевиков должность заведующего охраной художественных и научных ценностей Феодосийского отдела народного образования. А в Симферополе удается даже выхлопотать особое постановление Президиума Крымревкома о покровительстве ему советской власти. Именно в Симферополе Волошин читает многочисленные лекции и устраивает поэтические вечера, в том числе в Клубе рабочих, 3-м Советском театре, на квартире академика В. И. Вернадского, в кружке «Аргонавты», наконец, в клубе гимназисток, одна из участниц которого вспоминала: «Началась оживленная беседа обо всем на свете и, наконец, М. А. читал свои стихи. <...> Уходя, он взял приготовленный нами “гонорар” – фунт черного разваливающегося хлеба» [цит. по: *Купченко* 2007: 119].

Еще одно симферопольское выступление в кружке «Аргонавты» на многие годы запомнила художница и скульптор Ариадна Арендт: «Слышно было, как муха пролетит; сидели, затаив дыхание. Макс читал стоя, опершись на спинку стула, ровным отчетливым голосом, почти монотонно. Каждое слово — веско, проникновенно, значительно, как внушение, повелительно, как призыв. Какой-то слушатель, после чтения Максом “Космоса”, заявил: “Вы так прекрасно изложили в поэтической форме историю астрономии — может быть, Вы взяли бы изложить в стихах “Капитал” Маркса?” Другой слушатель (курьер нотариальной конторы Говорова) сбивчиво и косноязычно пытался выразить, как взволновал его Макс, как всколыхнул в нем что-то неведомое ему самому...» [Там же: 123].

Фактически переживая в Симферополе время массовых расстрелов, которые производились большевиками в его родном городе, Волошин пристально следил за разворачивавшейся трагедией красного террора. Ни о каких масштабных публичных чтениях речи теперь не шло! Единственным человеком, которому он мог довериться, оставалась старый феодосийский друг юности педагог Александра Петрова. 21 мая 1921 г. она коротко и сухо записала в дневнике: «Макс. Ал. читал новые стихи: страшные протоколы» [цит. по: Там же: 125]. Возможности для декламации новых стихов практически полностью исчезают, и за всю вторую половину 1921 г., которую поэт провел в Коктебеле и Феодосии, он выступил со стихами только 19 ноября в Артистическом клубе, 23 декабря на вечере медиков и 29 декабря в Народном университете. Выбираются наиболее лояльные стихи из русской истории. В это же время в ряд стихотворений поэт вносит правки, которые смягчают отношение к большевикам.

В 1922 г. Волошин не покидает пределы Крыма, и за это время можно отметить четыре наиболее крупных выступления: 20 апреля он читал преподавателям в школе (бывшая феодосийская гимназия Гергилевич) поэму «Путями Каина», 31 июля на вечере в Клубе печатников в Симферополе к упомянутой поэме добавил еще и несколько стихов о русской революции, 3 сентября в Евпаторийской библиотеке представил стихи о России, 10 ноября

декламировал в Клубе военмор в Севастополе. Два последних события вызвали жесткую полемику: в Евпатории военный цензор безуспешно пытался арестовать и Волошина, и устроителей вечера, а в Севастополе поэта обвинили в идеализме и надуманности его поэтических воззваний.

Подводя итог революционно-военного периода биографии Волошина-чтеца, нужно отметить, что в дни поездок по Южной России он выступает гораздо чаще, чем в домашних условиях в Коктебеле. Публика в большинстве еще благосклонна (за исключением некоторых стычек с отдельными представителями большевистской власти), а собрат по поэтическому цеху Георгий Шенгели прямо отмечает: «Он читает стихи. Читает превосходно. И чужие стихи читает лучше своих. Чтение перемежается рассказами о поэтах» [Воспоминания 1990: 358]. Писатель Викентий Вересаев, искренне принявший советскую власть, считал, что именно она произвела коренной перелом в Волошине-поэте. Он утверждал, что революция ударила по творчеству Волошина, как огниво по кремню, и из него посыпались яркие, великолепные искры.

На ряде примеров можно подтвердить, что в это время чтения происходят как для больших собраний, так и в камерной атмосфере, а наиболее опасные стихи, безжалостно изобличающие жестокости Гражданской войны, — только самым близким людям. Вообще у Волошина было особое ощущение того, что важно для конкретной аудитории. А по части взаимодействия со слушателями наиболее характерным, в некоторой мере театральным эпизодом может быть история выступления поэта в феодосийском еврейском обществе «Унзервинкль». После прочтения там стихотворения «Видение Иезекииля» все в зале встали и приветствовали поэта-декламатора песнью на древнееврейском языке. Наконец, важно отметить, что именно в 1919 г. вышла четвертая поэтическая книга Волошина «Демоны глухонемые». Она была напечатана в Харькове, т. е. впервые для Волошина за пределами московских издательств, с которыми он прежде привык сотрудничать. Сергей Маковский очень четко определил, что книга проникнута подлинным чувством родины и написана тем русским языком, «которого никак нельзя было ожидать от парижанина и галломана Максимилиана Волошина» [цит. по: *Купченко* 2007: 57]. В сборник вошли стихотворения о войне и революции. Прошлое и настоящее России в очередной раз преобразалось в сознании поэта. Начав с тютчевского эпиграфа «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые / Ведут беседу меж собой», Волошин добавил слова протопопа Аввакума: «Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да очервленил ю кровью мученической» [Волошин 1919: 8]. Поэтический набат Волошина был услышан многими. Наиболее образно это впечатление от особого звучания его новых стихов выразил поэт Филипп Вермель, который определил, что начиная со второй книги «Anno mundi ardentis 1915» в них стал звучать голос, совершенно новый для русской поэзии, а вот последние вещи «обнаружили до конца глубину и значительность этого голоса <...>. Это не

материал для трагедии, а трагедия сама» [цит. по: *Купченко* 2007: 221]. Вместо книжности и изысканного эстетизма — правдивое отображение жестокости окружающей действительности. Можно предположить, что именно в этот период и был окончательно сформирован и пафосный поэтический голос, и мягкая, но чеканная манера чтения, которую через несколько лет Сергей Бернштейн зафиксировал и сохранил для потомков с помощью фонографа.

1923–1932 годы

В январе 1923 г. началось улучшение экономической жизни Крыма: приблизились относительно спокойные годы НЭПа. Старый имперский уклад жизни был окончательно уничтожен, но главные ужасы Гражданской войны и красного террора также оказались позади. Теперь рядом с поэтом была верная спутница — Мария Степановна Заболоцкая. После смерти матери Волошина Елены Оттобальдовны она стала его женой. Именно в это время у Максимилиана Александровича окончательно утвердилась идея устроить для деятелей науки и культуры свободный Дом отдыха и творчества. Им должны были стать два дома и флигели, находящиеся в усадьбе поэта. Дело в том, что еще в 1921 г. Волошин разрабатывал проект создания Коктебельской художественно-научной экспериментальной студии (КОХУНЭКС), в которой деятели культуры с Севера могли бы отдыхать у моря и творчески работать, пользуясь его мастерской и библиотекой. Разумеется, он надеялся на какую-то финансовую поддержку от государства для организации этого дела. Но ожидания не сбылись. Нужно признать, что помимо культурных целей такие проекты были поиском путей недопущения экспроприации дома, а также многотысячной библиотеки, рукописных и художественных ценностей, скопившихся в нем за два десятилетия.

В монографии «Новейшая русская литература», вышедшей в 1923 г., Василий Львов-Рогачевский писал: «Большой поэт, страшно выросший за годы революции, — Максимилиан Волошин... А. Блок сквозь новый лик видел свою мечту. Максимилиан Волошин сквозь мечту разглядел новый трагический лик России, органически спаянной с древним историческим ликом ее... Ему принадлежит слово после Блока» [*Давыдов, Купченко* 1994: 271]. Но были и безжалостные оценки, например в статье Бориса Талья «Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина», появившейся в том же 1923-м в журнале «На посту». Двадцатипятилетний публицист, служивший в политуправлении Красной армии, обличал поэта: «Своим творчеством Максимилиан Волошин сам дает ясный ответ на вопрос — кто он такой. Это последовательный, горячий и выдержанный контрреволюционер-монархист. Пусть же обращает он свои пламенные призывы к мертвецам контрреволюции. Живой, творящей, неуклонно движущейся вперед — к коммунизму — рабоче-крестьянской Советской России такое творчество не нужно» [*Таль* 1923: 164].

А вот своеобразные пояснения самого мастера: «Мои стихи о России, написанные за время Революции, вероятно, будут восприняты как мое перерождение как поэта: до революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски» [Воспоминания 1990: 39]. Это строки из автобиографии. Сначала с Б. Талем взялся полемизировать сам Волошин, а впоследствии это продолжили исследователи его жизни и творчества, особенно в позднесоветскую эпоху. Так возник тезис о том, что именно слова Таля и стали одним из главных приговоров Волошину. Сейчас уже ясно иное: приговором были сами волошинские стихи. Из оборота в СССР массово изымался его сборник «Демоны глухонемые», который был выпущен в Харькове в 1919 г., а в 1923-м переиздан в Берлине. Также был запрещен ввоз в страну шестой книги поэта «Стихи о терроре» (Берлин, 1923). В одной из рецензий на данную книгу конкретно указывалось, что это «стихи клокочущего протеста против кровавой современности», в которых слышен голос «одного из наших лучших современных поэтов» из глубины России, «с самого дна преисподней» [цит. по: *Купченко* 2007: 193]. О новом, более сильном голосе Волошина говорит в своей рецензии на книгу и давний знакомый поэта по журналу «Аполлон» Евгений Зноско-Боровский. Он вспоминает, как во время русской междоусобицы Волошин непрестанно читал стихи для самых разных аудиторий, «всех потрясая пафосом своего плача над Россией» [цит. по: Там же: 196]. Рецензент обратил внимание на то, насколько мощным стало мастерство поэта, как окрепло звучание его голоса. И хотя Волошин уверял, что берлинское издание вышло без его ведома, многочисленные свидетельства подтверждают обратное. А вот о своем последнем прижизненном поэтическом издании на русском языке — брошюре «Усобица», изданной во Львове в том же 1923 г., поэт, действительно, не знал и к ее изданию не имел никакого отношения. Судя по всему, она осталась неизвестной даже людям из окружения Волошина, которые могли бы известить о ней автора. Не только в России, но и в эмиграции. А вот недруги хорошо о ней знали: цензурный запрет на ввоз в СССР был оформлен осенью 1925 г.

Характерной для чтения стихотворений в последнее десятилетие жизни поэта остается пафосная, но ровная манера, без выкриков и завываний, но с выделением ключевых слов, в том числе с помощью перепадов громкости. Можно предположить, что стихи Волошин читал более низким тембром. Для усиления образности активно используется жестикуляция, чувствуется попытка установить контакт с каждым слушателем (при чтении в камерной атмосфере). О том, что Сергей Бернштейн, записавший стихотворения Волошина на фонограф в 1924 г., был в целом очень заинтересован манерой чтения поэта, известно из письма Всеволода Рождественского весны 1930 г. А визуализация «Волошина, читающего стихи» становится доступнее благодаря силуэту художницы Елизаветы Кругликовой, появившемуся в журнале «Аргонавты» в 1923 г. Это изображение чрезвычайно интересно: Волошин читает в камерной обстановке, на значительном

отдалении от слушателей, одна рука опирается на рояль, вторая свободна для жестикующий. Также интересны портреты поэта работы Б. Кустодиева и неизвестного художника, созданные в 1924 г. На первом поэт смотрит на зрителя и держит в руке раскрытый том, а на втором — склонил голову над книгой.

Фактически в этот период, когда у поэта почти полностью исчезает возможность публикаций, декламация становится главным способом коммуникации с теми, кому стихотворения адресованы. Нетрудно предположить, что тогда слушателей у Волошина было больше, чем читателей. И хотя в стихотворении «Дом поэта» он констатировал: «Мои ж уста давно замкнуты... Пусть! / Почетней быть твердым наизусть / И списываться тайно и украдкой, / При жизни быть не книгой, а тетрадкой» [Волошин. СС. Т. 2: 81], разрыв с читателем переживался им очень тяжело и болезненно. Еще одной характерной чертой этого времени является чтение для достаточно широкого, но все же ограниченного круга знакомых. Многочисленные публичные чтения, которые были доступны во время Гражданской войны, стали невозможны по цензурным соображениям.

Приведем наиболее яркие дневниковые и мемуарные записи современников (от апологетов до антагонистов) этого периода, которые дают широкий диапазон восприятия поэта-чтеца. Л. Горнунг: «Волошин читал стихи густым низким голосом, мерно охватывая каждую строку и делая ударение на последних словах» [Воспоминания 1990: 494]; Е. Никитина: «Максимилиан Волошин чувствовал себя хозяином вечера, властителем дум и настроений. Он любил играть словами: “опекать” — от “упечь”. “Демоны глухонемые” читал на “субботе” целиком (я знала, что мне попадет). Читая, он смотрит на одного, второго... и потом на тех, кто вызывает у него тревогу. И именно этой стороне адресует свои стихи. На звонок в дверь говорил: “Если это по мою душу — я могу не читать”. При чтении он почесывался — видимо, от нервности. Когда обсуждение кончилось, он предложил: “Давайте теперь поговорим о том, что было значительного, пока мы не виделись”...» [цит. по: Купченко 2007: 215]; К. Чуковский: «Здесь в Питере Макс Волошин. Он приехал — прочитает свои стихи возможно большему количеству людей. Но успех он имеет только у пожилых, далеких от поэзии. Молодежь фыркает. Тынянов и Эйхенбаум говорят о нем с зевотой. Коля <Чуковский> говорит: мертво, фальшиво. Коля Тихонов: “Черт знает что!” Но Кустодиев и проф. Платонов в восторге. Он по-прежнему производит на меня впечатление ловкого человека, себе на уме, который разыгрывает из себя — поэта не от мира сего. Но это выходит у него очень неплохо и никому не мешает. Вид у него очень живописный: синий костюм, желтые длинные с проседью волосы, чистые и свежие молодые глаза — дородность протодиакона» [Чуковский 2011. Т. 2: 139]; Н. Грин: «Читал хорошо, не ломался, не выкрикивал. Прочел несколько стихотворений и закончил “Россией”. Прочтя ее до конца, неожиданно расплакался, взволнованный своими стихами. Мы оба также взволновались, но не

стихами, а его волнением, и стал он нам сразу мил, как родной» [Грин 2005: 56]; В. Владимиров: «Он был очень тучен и казался старше своих 50 лет. Видно было, как ему тесно и душно в непривычной одежде, как неудобно сидеть в слишком узком для него кресле. Но стихи он читал блестяще. Прекрасная дикция, редкое для наших поэтов умение читать, сила поэтических образов...» [цит. по: Купченко 2007: 335]; М. Альтман: «Читает он без всякой напевности, отчеканивая и выбрасывая с огромной силой каждое слово. <...> Огромное количество полновесных слов производит впечатление не риторики, а, скорей, примитива, варварского, а не декадентского богатства, силы дикаря, а не блеска француза» [Воспоминания 1990: 584]; И. Басалаев: «Свои стихи он читает немного нараспев, протяжно, ровным голосом, как старинное повествование или житие, по-особому выговаривая слова XVII столетия. Чудовищная в наше время тема должна восприниматься иронически. Но благодаря наивности тона, искренности и духу примитива, сказание трогательно живо» [Там же: 578].

Прежде чем говорить о том, что чаще всего Волошин читал в этот период, нужно обратить внимание, что большинство лирических стихотворений, написанных до 1917 г., во многом исчезают из авторского репертуара. В качестве исключения можно назвать лишь венок сонетов «Lunaria» и пейзажные крымские стихи, к которым прибавляется и несколько новых, написанных в текущий период. Венцом коктейбельского цикла становится стихотворение «Дом поэта», оконченное 25 декабря 1926 г. и посвященное всем завсегдаям Волошинской творческой колонии в стране синих скал. Среди чтений этого периода лидирует поэма «Путями Каина», в которой автор пытался осмыслить трагедию материальной культуры. Почти так же часто поэт выступал с поэмами «Россия» и «Протопоп Аввакум». К последней примыкает и поэтическое переложение — «Сказание об иноке Елифании». Хотя несложно предположить, что гораздо большей популярностью у слушателей пользовались именно стихи «революционные», которые должны были составить книгу «Неопалимая купина». При жизни поэта она не была напечатана. И если «Ангела мщенья», посвященного революции 1905 г., автор декламировал эпизодически, то стихотворения из циклов «Пути России», «Личины», «Усобица» и «Возношения» составляли вполне постоянный «репертуар». Из них можно выделить прежде всего «Видение Иезекииля», «Петроград», «Благословение», «Потомкам», «Голод», «Матрос» и др.

Судя по сохранившимся документальным свидетельствам, ни стихотворение «Неопалимая купина», ни «На дне преисподней», посвященное памяти А. Блока и Н. Гумилева, которые Волошин прочел для записи на фонограф, почти не входили в программу публичных чтений этого периода. И теперь уже сложно определить, идет ли речь о самоограничении и самоцензуре Волошина, или же стихи настолько расходились с советской действительностью, что слышавшие их боялись даже упоминать о факте подобных чтений. Отдельно идут немногочисленные произведения, написанные Волошиным в 1925–1929 гг., — прежде всего

«Доблесть поэта», «Таноб», «Четверть века» и «Владимирская Богоматерь». Как правило, они посылались в письмах к друзьям, а об их чтении сохранились лишь единичные свидетельства.

Большинство поэтических встреч этого времени происходило в доме поэта в Коктебеле, как правило в просторной в два света мастерской, реже на квадратной смотровой вышке, вознесенной над домом. Многим литераторам запомнились именно чтения на вышке, прямо под сводом звездного неба. Наиболее масштабные чтения устраивались в дни приездов известных столичных гостей (а в эти годы дом посещали Валерий Брюсов и Андрей Белый, Евгений Замятин и Михаил Булгаков и многие другие). Антураж коктебельских литературных вечеров можно представить благодаря уже упоминавшемуся стихотворению Сергея Шервинского. Он передает атмосферу мастерской, стены которой сплошь заставлены книгами и украшены картинами (включая портретную галерею владельца): «Плечо к плечу там дружный греет шепот, — / А на тенях от лампы к нам плывет / Из-за оконных стекол грозный ропот / Эвксинской тьмы, уже осенних вод» [*Шервинский* 1984: 38].

Таким образом, становится очевидным, что звуковым фоном чтений, порой затягивавшихся до полуночи, становится морской прибой и крымский норд-ост, привычный в межсезонье. А стихи о последних событиях в России были так близки слушателям прежде всего оттого, что каждый по-своему осознавал драмы этих лет, но, как заметила М. Авинова, обращаясь к Волошину: «Легче будет умереть, зная, что все пережитое нами нашло выражение в ваших стихах» [цит. по: *Купченко* 2007: 216].

Итак, начиная со второй трети 1920-х гг. главной площадкой для чтений становится дом поэта в Коктебеле. Важно отметить, что в отличие от предыдущих периодов Волошин практически не выступает в городах Крыма. С одной стороны, провинциальная публика обескровленного эмиграцией полуострова почти не проявляет к этому интереса, а с другой — возможность цензурного согласования таких чтений с местными властями, осуществляющими постоянные нападки и на поэта, и на его литературный приют, полностью исчезает. В качестве единичных исключений можно назвать лишь чтения в мастерской давнего друга, феодосийского художника Константина Богаевского, которые, скорее всего, устраивались персонально для хозяина и его жены. В этом же ряду камерное выступление летом 1924 г. в Симферополе для молодых поэтесс и художниц, о котором вспоминает Ариадна Арендт. Особняком стоят поэтические чтения в Москве, Ленинграде, Харькове, Кисловодске и Новороссийске. В первые два города Волошин ездил, чтобы принять участие в событиях литературной жизни, и поначалу искал здесь возможности публикации новых книг и стихотворений; впоследствии, когда стало очевидным, что в СССР это осуществить не удастся,

чтения стали проходить в рамках выставок пейзажных акварелей Волошина с видами Восточного Крыма.

Индивидуальные чтения в Коктебеле устраивались для наиболее близких друзей, порой начинались за вечерним чаем и становились иллюстрацией воспоминаний о крымских событиях Гражданской войны, которые остро интересовали приезжих москвичей и ленинградцев. Однако чтения эти были близки далеко не всем гостям. Так, Корней Чуковский 25 сентября 1923 г. в своем дневнике отрицательно оценивал коктебельскую обстановку суеты и многолюдности: «Особенно мучителен сам хозяин. Ему хочется с утра до ночи говорить о себе или читать стихи» [Чуковский 2011. Т. 2: 100]. Разумеется, намерений высказать вслух свое неприятие у гостя не было. И через пять лет, 13 мая 1928 г., Чуковский писал Волошину: «Очень бы хотелось послушать на башне под коктебельскими звездами чтение новых стихов» [цит. по: Купченко 2007: 384–385]. Примерно такого же критического мнения придерживался и поселившийся ненадолго в доме помощник прокурора Верховного суда СССР И. С. Кондурушкин. Тут уж даже сам Волошин признал, что «и стихи и слова мои его глубоко раздражали» [цит. по: Там же: 201]. Порой слушатели подбираются самые неожиданные: осенью 1923 г. в дом нагрянула местная пограничная стража с требованием читать им новые стихи.

Постепенно традиция постоянных чтений (летом — едва ли не каждый вечер), которых в таких масштабах не было в прежнее время, становится частью домашнего распорядка. За чтениями следовали литературные диспуты. Племянница Волошина Тамара Шмелева так описала новогодние впечатления 1924 г.: «При мигании нескольких коптилок, под вой ветра, грохот моря и скрип деревьев мы встречаем Новый 1924 год. Вовсю горит плита, все собрались, и стало так уютно. Не помню, чем богат был наш праздничный стол. <...> В полночь Макс взял два яблока, разрезал их и каждому дал по половинке. Мы встали и чокнулись этими половинками, обменявшись друг с другом новогодними пожеланиями. Макс читал стихи» [Воспоминания 1990: 482–483].

Во время морских прогулок к подножию потухшего вулкана Карадаг Волошин, как правило, читал лирические стихотворения из киммерийских циклов. Но особо нужно отметить полную мистицизма декламацию венка сонетов «Lunagia», которую поэт устроил на воде при полном лунном затмении летом 1924 г. По воспоминаниям Леонида Гроссмана, в момент чтения «лодка двигалась вдоль огромных каменных массивов, шагнувших в море и повисших над ним своими отвесами. Темные базальтовые слои скалистых стен, гроты, колонны, причудливые арки создавали здесь впечатление какого-то древнего пейзажа» [Гроссман 1927: 292]. Свои стихи в доме читали также Валерий Брюсов, Андрей Белый и другие поэты. Особого размаха приобрели празднования именин Волошина, которые ежегодно происходили 17 августа, в день памяти семи отроков Эфесских.

С конца 1920-х гг. условием того, чтобы дом на берегу моря не был реквизирован, местные органы советской власти установили обязательные, порой ежедневные приемы Волошиным групп экскурсантов из разного рода пролетарских домов отдыха. Эти встречи он также сопровождал поэтическими чтениями. В декабре 1929 г. Волошин пережил инсульт, после которого массовые чтения практически прекратились. Нужно признать, что во многом это было спровоцировано и отношением участников тех самых пролетарских экскурсий. Отзывы многих из них были примерно такими: «Стыдно, поэт Волошин, писать пессимистические стихи в эпоху расцвета и освобождения» [цит. по: *Купченко* 2007: 477]. Хотя есть свидетельства и другого характера. «Помню, однажды в мастерскую к нему ввалилась компания комсомольцев, человек двадцать, — вспоминала в середине 1950-х эмигрантка Л. Дадина. — Веселая, здоровая молодежь. Кто-то им рассказал о Волошине, и что им рассказали? Но какой-то интерес привел их сюда. Просили Макса что-нибудь прочитать. Он прочитал совершенно неподходящее для такой аудитории, как нам показалось, легкое, прелестное стихотворение о Коктебеле. Воцарилось неловкое молчание. Наконец, один из комсомольцев небрежно сказал: “Довольно художественно”. (Фраза эта потом была очень ходкой в Коктебеле.) Макс стал им что-то показывать, но я не осталась, ушла. Пришло время ужина, а Макса все не было. Меня послали за ним. Я застала его в оживленной беседе с комсомольцами. Когда Макс при прощании протянул одному комсомольцу руку, тот нагнулся и поцеловал ее. Не знаю, о чем Макс беседовал с ними, какие струны задевал в душе этого юного существа, скрученного партийной пропагандой, без Бога, без веры, без пиетета в отношении старших, без уважения ко всему, на чем не было штампа “дорогого отца народов”» [Дадина 1954: 186].

Антисоветские поэтические чтения были хорошо известны в Москве и препятствовали назначению поэту персональной пенсии. Последние литературные выступления в Коктебеле были исключительно камерными, стихи все больше религиозными и, по свидетельству библиофила Евгения Архиппова, Волошин «читал тихо, но охотно, с большим воодушевлением» [Воспоминания 1990: 599], собственно чтение в домашней атмосфере было особенным и отличалось от публичных выступлений: «ноты были смягчены, голос не делал предрекающего упора, голос был несколько приглушен, но сохранил, особенно в чтении “Усобицы”, шепотную предсказательную зловещесть. Соответственно голосу Максимилиан Александрович чаще выбирал мирные чтения» [Там же: 600].

Первым из городов за пределами Крыма, где Волошин активно выступал начиная со второй трети 1920-х гг., был Харьков, чему способствовали и близкие связи с этим городом его новой супруги. В феврале 1924 г. Волошин читал стихи в доме архитектора и музыканта Владимира Покровского, в последующие годы неоднократно и у его наследников, в январе 1927-го — в доме профессора-микробиолога Семена Златогорова. Чтение для более широкой публики было

устроено 17 января 1928 г. в Доме ученых, который символично располагался на углу Пушкинской и Максимилиановской. На некоторых выступлениях взималась символическая плата в пользу автора-декламатора.

И именно в Харькове произошел парадокс в стиле начала волошинской литературной деятельности, но совершенно случайный. На чтение в Доме ученых случайно попал инженер, направлявшийся на конференцию по теплотехнике в соседнем Деловом клубе, и, слушая стихотворение «Пар», он не мог понять свою ошибку. А затем, заинтересовавшись стихами, остался до конца. Тут нужно добавить, что почитателями и слушателями стихов Волошина в Коктебеле традиционно были геологи из экспедиций Франца Левинсона-Лессинга, исследовавшие Восточный Крым.

Московские чтения, в том числе в Кремле, относятся к веснам 1924 и 1927 гг. Помощник прокурора Верховного суда СССР Иван Кондурушкин, отдохавший у Волошина в Коктебеле, прямо предостерегал его от посещения Кремля, правда прибавляя: «...там столько интеллигентщины развелось» [цит. по: *Купченко 2007: 201*]. 2 апреля 1924 г. все же состоялось чтение в кремлевской квартире Каменевых. И главной надеждой Волошина на эту встречу было издание стихов о революции хотя бы «на правах рукописи». Несомненно, их нецензурность он сам хорошо осознавал. По одной из версий, после чтения Каменев хвалил «разные детали стиха и выражений, затем написал записку в Госиздат, всецело поддерживая издание. Волошин счастлив и, распрощавшись, уходит». Но тут же Каменев звонит в Госиздат, прося не придавать его записке «никакого значения». Это мемуарное свидетельство, впервые опубликованное в эмигрантской среде, до сих пор кочует в литературоведческих исследованиях без всякого критического анализа. А между тем в библиотеках Стэнфордского университета сохранился 60-страничный корректурный экземпляр гизовского сборника Волошина «Стихи», который так и не был напечатан.

Жена поэта с некоторым кокетством писала в это время подруге: «Публично выступать Макс не хочет, но согласился читать в закрытых кругах. Луначарский плакал над некоторыми его стихами о России» [цит. по: Там же: 214]. В реальности же поэтических чтений в этот приезд было множество: 13 марта в Доме ученых на Пречистенке, 14 марта в квартире Софьи Толстой на Остоженке, 17 марта в Союзе писателей, 21 марта на вечере у П. Зайцева, 22 марта на субботнике у Е. Никитиной, 26 марта в кружке поэтов «Кифара» и др. Особо стоит остановиться на никитинском субботнике, где произошла небольшая творческая стычка: поэт Василий Федоров неожиданно заявил, что весь марксизм «укладывается в бездны волошинской космогонии» [цит. по: Там же: 215]. После решительных возражений против таких оценок некоторые молодые литераторы в знак протеста покинули собрание. По возвращении в Коктебель Волошин писал 1 июня 1924 г. профессору

Сергею Платонову, что «в Москве иногда читал стихи по 18 часов, переходя из дома в дом» [*Волошин*. СС. Т. 12: 798].

Менее напряженным графиком поэтических выступлений отличался и визит в Москву, который начался 9 февраля 1927 г. Уже 13 февраля было устроено чтение в семье Шервинских, где поэт и остановился (в числе слушателей — Борис Пастернак), 20 февраля — у Майи Кудашевой, 23 февраля — в Государственной Академии художественных наук, 2 марта — в издательстве «Узел», 15 марта — в Союзе писателей. Художник Михаил Нестеров 1 марта 1927 г. так и писал своему другу А. Турыгину: «Минувшая и настоящая неделя были неделями “Максимильяна Волошина”. Его сейчас таскают по Москве — был он и у нас — читал свои стихи. Стихи хороши, читал тоже хорошо. В субботу и сегодня в Академии художественных наук о нем доклады и выставка его фантастических рисунков “Коктебель”» [*Нестеров* 1988: 323].

Литературные встречи в Ленинграде имели гораздо меньший размах. 6 апреля 1924 г. поэт приехал в Северную Пальмиру из Москвы. Вечером того же дня был устроен волошинский литературный вечер у поэтессы Марии Шкапской, 8 апреля — чтение в группе «Серапионовы братья», 20 апреля — в Комитете современной литературы в Институте истории искусств, 21 апреля — в квартире художницы Елизаветы Кругликовой, 27 апреля — у художника А. Головина в Детском Селе. Также чтение поэмы «Путями Каина» было устроено в рамках заседания Вольной философской ассоциации (Вольфилы). О декламациях в среде ленинградских художников свидетельствует и одна из книг библиотеки Волошина. Всеволод Воинов так надписал ему свое издание «Гравюры на дереве»: «...в память о мимолетном знакомстве (а кто знает? м. б. и прочном) — в вечер 21 апреля 1924 г., когда он доставил мне минуты глубоких переживаний, читая свои стихотворения, и показал свои чудесные акварели Киммерийских пейзажей» [цит. по: *Купченко* 2007: 221].

Менее успешным был приезд в Ленинград (опять же из Москвы) и в апреле 1927 г. 18 апреля поэт писал Ф. Сологубу, что «очень неудачно приехал в СПб.: простудился с первого дня, захватил грипп, лишился совершенно голоса и просидел запертый в комнате 2 недели, а сейчас врачи меня отсылают немедля восвояси. Так я и не видал ни Петербурга, ни друзей, ни знакомых» [*Волошин*. СС. Т. 13. Кн. 1: 427]. На открытии персональной выставки акварелей в Литературно-художественном кружке (в Доме печати) 14 апреля стихи Волошина читали артисты С. Жарковский и А. Шварц.

Менее примечательными в этот период оказались немногочисленные чтения в Новороссийске и Кисловодске в феврале-марте 1928 г., где Волошин находился с лечебными целями. Доверительные отношения там сложились с врачами: семьей невропатолога Павла Бодянского и доктора Екатерины Манжос. В семье Бодянского Волошин читал стихи 7 февраля и 6 марта, у Манжос — 15 февраля и

потом еще не менее пяти раз. В письме литератору Льву Остроумову 19 февраля Волошин сообщал: «Постепенно мой круг друзей и знакомых расширился, я стал читать стихи по знакомым домам, и мы вновь оказались в вихре светской жизни» [Там же: 537]. А вот поэтические выступления в Новороссийске были связаны с домом библиофила Евгения Архиппова. По его свидетельству, в голосе поэта было слышно «гудение набата, на высоких нотах несущее предрекаемую беду. Это было пение набата о земной беде, о возмущении земли, пропитанной кровью. Но гудение густое, ровное, не кличащее, а торжественное, сопровождающее беду, развертываемое, как текст библейского пророческого повеления. Само чтение напоминало “Откровение в грозе и буре”» [Воспоминания 1990: 600]. Архиппов сделал интереснейшее наблюдение, он почувствовал, что патетика волошинской декламации в Новороссийске была связана с природным ветреным фоном приморского города ранней весны: чтение было «вправлено в апокалиптическую звуковую раму норд-оста» [Там же].

Можно с уверенностью говорить о том, что в последние годы жизни у Волошина значительно снижается интерес не только к написанию стихотворений, но и к их чтению. Невозможность видеть написанное в печати, враждебная поэту советская социокультурная среда, наконец, холодное отношение со стороны многих поэтов первого ряда (в частности, Ахматовой и Мандельштама), оторванность от друзей, которые оказались в эмиграции, — все это ломало в Волошине не только желание писать и читать написанное, но лишало воли жить. Творческий потенциал в эти годы почти полностью был направлен на рисование акварелей. Они были бесконечным множеством импровизаций на темы исторического пейзажа Юго-Восточного Крыма, легендарной Киммерии. 10 января 1927 г., сообщая писательнице Рашель Гольдовской о приезде в Москву на открытие персональной выставки, Волошин добавлял, что хотел бы «видеться только с близкими друзьями, очень мало читать стихов, ходить по музеям» [Волошин. СС. Т. 13. Кн. 1: 413]. Еще важно отметить, что с 1923 г. первой слушательницей всех стихов Волошина становится жена — Мария Степановна. Особенно в дни зимнего безлюдья. И 15 февраля 1929 г., во время ее отъезда из Коктебеля, поэт в письме просит у нее прощения, что «Сказание об иноке Епифании» вынужден был прочесть впервые без нее: «Я читаю ведь, чтобы самому услышать написанное чужим ухом со стороны. Ты уже прости и не сердись» [Там же. Кн. 2: 47]. Такое признание дает еще один аргумент для отнесения Волошина к типу «декламативных» поэтов по классификации С. Бернштейна. Хотя в целом нужно признать, что отношение Волошина к своим стихам, их обязательная голосовая проверка, несколько подрывает идею Бернштейна о различии стихотворного и декламационного искусства.

* * *

Подводя итоги, важно вспомнить, что именно Волошину принадлежит статья «Голоса поэтов», напечатанная в газете «Речь» 4 июня 1917 г. Фактически это была рецензия на первые книги Софии Парнок и Осипа Мандельштама. Немного позже возникла идея исследования «Голоса современных поэтов», которая так и не была осуществлена, хотя и сохранился развернутый план. Меткость волошинских формулировок впечатляет: он оценил выступления литераторов, учел восприятие их голоса через ритмику стиха, наконец, не забыл и внешний образ поэтов-декламаторов. Оценке своего поэтического голоса в том плане места не нашлось. Тем не менее сохранившиеся фонозаписи и оценочные тексты современников дают возможность восполнить эту децидату. Сопоставление письменных и звуковых источников позволяет говорить о строгой патетической манере декламации Волошиным своих стихов: это было ритмическое чеканное чтение, сначала с элементами французской легкости, позже с подлинно русским народным трагизмом, наполненным отголосками той жесточайшей человеческой бойни, которая разворачивалась на глазах поэта в дни Гражданской войны на юге России. Факты постоянных авторских чтений, особая манера декламации стихов, отличающаяся от чтения прозы и разговорной речи, свидетельствуют о «декламативной тенденции» в творчестве поэта. А расхождение современников в оценке степени музыкальности волошинских поэтических чтений говорит о том, что манера декламации могла меняться как во временной перспективе, так и в зависимости от категории слушателей. В дореволюционный период значительное влияние на декламацию Волошина оказывал Константин Бальмонт. Это период становления, когда поэтические выступления были нечастыми и оставались как бы в тени деятельности художественного и литературного критика. Пафосная менторская манера чтения формируется в годы Гражданской войны и стоит в прямой зависимости от тех образов и степени драматизма, которые появляются в волошинских стихах этого времени. В последний же период жизни Волошин испытывает острый кризис в связи с тем, как сильно сужается аудитория его слушателей. С другой стороны, в эти годы декламация остается единственным способом донесения поэтом своих стихов до любителей изящной словесности, т. к. в советской России не было издано ни одной книги Волошина! А с середины 1920-х гг. стихи поэта также исчезают и из повременных изданий. Передача же рукописей в Европу становится и опасной, и технически невозможной. И хотя сохранились десятки реплик современников в письмах и воспоминаниях, художественные портреты и фотографии Волошина в момент чтения стихов, именно запись звучащего голоса поэта, сделанная С. Бернштейном в 1924 г., является главным источником восприятия Волошина-чтеца и реконструкции его декламационного наследия.

ИСТОЧНИКИ

- Волошин М. А.* Демоны глухонемые: Стих. Максимилиана Волошина. Харьков, 1919. 53, [2] с.
- Волошин. С С — Волошин М. А.* Собр. соч.: [В 13 т.] / под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова. М., 2003–2015.
- Воспоминания 1990 — Воспоминания о Максимилиане Волошине / сост. и коммент. В. П. Купченко, З. Д. Давыдова. М., 1990. 717, [1] с., [33] л. ил.
- Герцык Е. К.* Воспоминания: Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков и др. Paris, 1973. 192 с.
- Грин Н. Н.* Воспоминания об Александре Грине: Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма / сост., подг. текста, коммент. Н. Яловой [и др.]. Феодосия; М., 2005. 399 с.
- Гроссман Л. П.* Борьба за стиль: Опыты по критике и поэтике. М., 1927. 337 с.
- Давыдов З. Д., Купченко В. П.* Крым Максимилиана Волошина: Автографы, рисунки, фотографии, документы, открытки из гос. и частн. собр.: Фотоальбом. Киев, 1994. 368 с.
- Дадина Л. М.* Волошин в Коктебеле // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. № 39. С. 176–193.
- Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества, 1877–1916. СПб., 2002. 494 с., [9] л. ил.
- Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества, 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007. 608 с., [8] л. ил.
- Нестеров М. В.* Письма: Избранное. 2-е изд., перераб. и доп. / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Русаковой. Л., 1988. 534, [1] с., [21] л. ил.
- Никулин Л. В.* Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. М., 1966. 512 с.
- Олеша Ю. К.* Избранное / вступ. ст. В. Б. Шкловского. М., 1974. 574 с.
- Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова: [Статьи и речи] / сост. Ю. Г[алабутский]. Феодосия, 1895. 50 с.
- Паустовский К. Г.* Поэтическое излучение: Повести. Рассказы. Письма. М., 1976. 429 с.
- Рылов А. А.* Воспоминания. 4-е изд. Л., 1977. 287 с.
- Сенилов В. А.* Вейте вайи. Мелодекламация. Слова М. А. Волошина. Для чтения с фортепиано. 1910. РО РНБ. Ф. 687. Ед. хр. 291. 2 л.

Соскин Я. Г. Крымский демон: Юморист. поэма в 2 ч. с эпилогом. Феодосия, 1909. 47 с.

Таль Б. М. Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина // На посту. 1923. № 4. Стб. 151–164.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: В 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982.

Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917 / предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; Примеч. А. И. Добкина // Минувшее: [В 25 вып.]. Париж; М.; СПб., 1986–1999. Вып. 21. 1997. С. 521–596.

Чуковский К. И. Дневник: [В 3 т.] / сост., подг. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М., 2011.

Шевченко А. В. Сб. материалов. М., 1980. 280 с.

Шервинский С. В. Стихи разных лет. М., 1984. 143 с.